

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Миронова Е. В. Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века / Е. В. Миронова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 476—493. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-476-493.

Mironova, E. V. (2025). Hereditary Nobility in Local Governance System of Kazan Province in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 476-493. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-476-493. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века

Миронова Елена Валерьевна

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

кандидат исторических наук,
отдел новой истории

Yelena.Mironova@yandex.ru

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Российская Федерация)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
предоставленного в 2024 году
Академией
наук Республики Татарстан гранта
молодым кандидатам наук
(постдокторантам) с целью защиты
докторской диссертации

Hereditary Nobility in Local Governance System of Kazan Province in Second Half of 19th Century

Elena V. Mironova

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

PhD in History,
Department of Modern History

Yelena.Mironova@yandex.ru

Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded by a 2024
grant from the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan for young
candidates of sciences (postdoctoral
researchers) to support the preparation
of a doctoral dissertation

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование роли дворянства в системе местного управления Казанской губернии во второй половине XIX века является важным аспектом в области изучения до-революционной российской государственности. Историографический обзор показал устойчивый интерес ученых к истории гражданской службы дворян, в том числе на региональном уровне. Однако специальные труды по истории казанского дворянства в государственных губернских и уездных учреждениях отсутствуют, что определяет научную значимость данной статьи. Хронологически исследование охватывает период с 1861 года, когда были созданы новые административные органы по проведению реформ в первой половине 60-х годов XIX века, до времени принятия новых «Земского положения» (1890) и «Городового положения» (1892). Автор показывает формирование бюрократического аппарата из числа потомственных дворян Казанской губернии в контексте изменения внутренней политики правительства в эпоху правления двух императоров — Александра II, а затем Александра III. На основе анализа материалов памятных книг, адрес-календарей, формулярных списков чиновников сделан вывод о том, что потомственные дворяне занимали ключевые посты в местном бюрократическом аппарате гражданского и судебного ведомств и преобладали в уездном управлении.

Ключевые слова:

Казанская губерния; губернское правление; местное самоуправление; учреждения ведомства министерства юстиции; ведомство министерства финансов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the role of the nobility within the local governance system of Kazan Province during the late 19th century, an important aspect of pre-revolutionary Russian statehood. A historiographical review reveals a sustained scholarly interest in the history of noble civil service, particularly at the regional level. However, there is a notable absence of specialized works focusing on the history of Kazan's nobility within provincial and district governmental institutions, which underscores the academic significance of this article. The chronological scope of the research spans from 1861, when new administrative bodies were established to implement reforms in the early 1860s, to the adoption of the new "Provincial Statute" (1890) and "Municipal Statute" (1892). The author illustrates the formation of a bureaucratic apparatus composed of hereditary nobles from Kazan Province in the context of changing government policies during the reigns of two emperors — Alexander II and subsequently Alexander III. Based on an analysis of materials from memorial books, address calendars, and official lists of civil servants, it is concluded that hereditary nobles held key positions within the local bureaucratic apparatus of civil and judicial authorities and predominated in district administration.

Key words:

Kazan Province; provincial governance; local self-government; Ministry of Justice institutions; Ministry of Finance authorities.

Потомственное дворянство в системе местного управления Казанской губернии второй половины XIX века

© Миронова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Служба дворянства в органах управления рассматривалась уже в дореволюционных трудах. Так, Э. Н. Берендтс и В. А. Евреинов без приведения статистического материала указывали, что дворяне неохотно шли на гражданскую службу [Берендтс, 1913, с. 91; Евреинов, 1897, с. 56]. М. Т. Яблочков писал, что после Великих реформ дворянство утратило привилегии и уже не имеет прежнего влияния на государственную жизнь, но еще может давать «сотрудников и высших исполнителей Величайшей Воли Монарха» [Яблочков, 1876, с. 673]. Вопрос о служебных привилегиях дворян имел еще животрепещущее значение и часто рассматривался весьма субъективно. Например, А. И. Елишев считал, что ликвидация дворянских привилегий на государственную службу вредит интересам страны, поскольку именно это сословие сохраняет коренные основы государственности, дарование же равных прав всему населению приведет к легкомысленному отношению к службе [Елишев, 1894]. Таким образом, историография этого периода не перешла к объективному изучению вопроса о дворянской службе, поскольку все процессы еще происходили на глазах исследователей.

В первые десятилетия советского строя интерес к изучению дворянского сословия среди историков не проявлялся по идеологическим причинам. Ситуация постепенно меняется в последней трети XX века. П. А. Зайончковский показывает, как высшие органы управления продолжали оставаться в руках аристократии [Зайончковский, 1978, с. 222—224]. А. П. Корелин отмечает, что в этот период служба для дворянина из нравственного долга превращается в источник существования и допускает большее проникновение буржуазности в чиновничью среду, но ее деятельность оставалась крепостнической по сути [Корелин, 1979, с. 105]. Н. П. Ерошкин связывает этот процесс с обезземеливанием дворянства [Ерошкин, 2006, с. 109].

С 90-х годов XX века появляется множество работ, посвященных дворянскому сословию. Большинство из них затрагивают и дворянскую службу. В диссертационных исследованиях рассматривается дворянство

отдельных губерний. Появляются данные, что на местах даже в низах государственной службы продолжали трудиться выходцы из дворян, несмотря на то, что гражданская служба считалась менее почетной, чем военная, поскольку становилась основным источником заработка [Вакилев, 2017, с. 14; Лещенко, 2007, с. 22]. Кроме дворянской бюрократии, в фокусе внимания оказываются и дворяне, служащие в органах самоуправления и сословных органах [Лещенко, 2007; Истомина, 2012]. Дворяне на службе изучаются и как объект деятельности власти, направленной на формирование чиновничьего аппарата [Шатохин, 2014], и как субъект, имеющий свои интересы и желания, оказывающий влияние на состав органов местного управления [Истомина, 2012]. Более отчетливо проводится градация дворянства, осмысляются сотрудничество и противостояние мелких и крупных представителей сословия. Дворянство и чиновничество рассматриваются как соперники.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования выступило потомственное дворянство, поскольку оно представляло собой социальную группу, на которую опиралось правительство. За пределами нашего внимания остались личные дворяне, а также — для удобства подсчета — дворяне, записанные в родословные книги других губерний.

Использованные в исследовании законодательные акты позволили проследить структурные изменения в системе местного государственного управления, влиявшие на представительство потомственных дворян Казанской губернии в составе чиновничьего корпуса на протяжении второй половины XIX столетия.

Ценным источником для определения представительства потомственных дворян Казанской губернии в органах местного управления послужили справочные издания — памятные книги и адрес-календари за 1861, 1871, 1881 и 1891 годы. Выборка определена согласно главным административным реформам второй половины XIX столетия, сопровождавшимся созданием новых учреждений, а также изменением порядка их комплектования. Так, в 1861 году были сформированы учреждения для реализации реформ в первой половине 60-х годов XIX века. А в начале 1890-х годов проведены контрреформы, внесшие изменения в цензы при формировании земских и городских органов самоуправления. Дополнительным источником информации по государственной службе дворян в местном управлении стали формулярные списки чиновников, представленные Государственном архиве Республики Татарстан в фондах 1 «Канцелярии казанского губернатора» и 407 «Казанского губернского предводителя дворянства». Благодаря

послужным спискам показано, какие должности совмещали представители высшего сословия.

Кроме того, были привлечены мемуары современников второй половины XIX века, позволившие увидеть кадровый состав учреждений глазами самих служащих, а также показать роль протекции при занятии необходимой должности.

Исследование проводилось с учетом регионального подхода, позволяющего показать специфику исторических процессов в Казанской губернии. Особенностью региона являлась малочисленность потомственного дворянства, что учитывалось при изучении их представительства в губернской и уездной администрации на протяжении второй половины XIX века в контексте изменения законодательства, регулировавшего структурные изменения в системе местного управления. Для этого был использован сравнительно-исторический метод исследования. Статистический метод позволил в динамике показать, как менялся удельный вес потомственных дворян Казанской губернии в управленческих структурах на губернском и уездном уровне. Кроме того, были использованы проблемно-хронологический и описательно-повествовательный методы исследования для выявления закономерностей в комплектовании местных органов управления представителями потомственного дворянства Казанской губернии. С целью изучения профессиональной карьеры и цензов, необходимых для занятия чиновничьих должностей, был использован биографический метод.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Представительство местных потомственных дворян в органах губернского управления

Ключевой фигурой в системе местного управления был губернатор, опиравшийся в своей деятельности на коллегиальный орган — *губернское правление*. Во второй половине XIX века губернатор, как правило, был выходцем не из местного дворянского общества. Только Л. И. Черкасов, возглавлявший губернию в 1882—1884 годы, был из казанских дворян. Другие чиновники, состоявшие в штате канцелярии губернатора, в большинстве своем не принадлежали к числу потомственных дворян Казанской губернии. Так, на долю последних в канцелярии губернатора приходилось в 1861 году 15 %, в 1871 — 33 %, 1881 — 22 %, 1891 — 32 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 7; Адрес-календарь ..., 1872, с. 1; Адрес-календарь ..., 1882, с. 3; Памятная книжка ..., 1892, с. 1].

Похожая ситуация наблюдалась в губернском правлении, где местные потомственные дворяне не преобладали, но занимали значимые должности. Если в 1861 году их представительство было весомым и составляло 38 %, то в по-

следующие десятилетия доля сократилась до 15—22 % в 1871—1891 годы. Динамика объясняется изменениями в штате учреждения. В 1864 году в составе губернского правления было образовано строительное отделение, в 1865 году состав присутствия был дополнен губернским врачебным инспектором, губернским инженером, губернским архитектором. В 1876 году количество советников было сокращено с трех до двух. В 1890 году было организовано тюремное отделение. На новых должностях в правлении потомственные дворяне Казанской губернии были представлены слабо, и только в тюремном отделении их удельный вес составлял 40 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 16, 17; Адрес-календарь ..., 1872, с. 2—3; Адрес-календарь ..., 1881, с. 4—6; Памятная книжка ..., 1892, с. 1—2].

Причины немногочисленности были разными. Для некоторых дворян служба в местном управлении служила трамплином для продвижения по карьерной лестнице. Например, К. П. Перцов по окончании Императорского Казанского университета с 1849 года служил губернским секретарем в канцелярии военного губернатора, затем советником в губернском правлении, а с 1861 года продолжил карьеру в Пензенской губернии — сначала советником губернского правления, а с 1870 года и на протяжении более 30 лет занимал должность местного вице-губернатора.

Некоторые чиновники местного государственного управления становились потомственными дворянами Казанской губернии по выслуге лет. Например, городской врач Л. И. Борисов, состоявший во врачебном отделении губернского правления, был внесен в родословную книгу Казанской губернии в 1885 году. В последующем Леонид Иванович долгое время заведовал больницей и амбулаторией в Адмиралтейской слободе и в знак признания его заслуг перед городом был удостоен звания почетного гражданина г. Казани.

Таким образом, потомственные дворяне стремились в высшую губернскую власть, занимая наиболее значимые должности чиновников для особых поручений и помощников правителя канцелярии губернатора, а также советников в губернском правлении и др. Однако с введением новых штатов и структурной реорганизацией губернского правления во второй половине XIX века его состав стал более разночинным, открывая пути для получения потомственного дворянства по выслуге лет лицами из других сословий, если они обладали определенными профессиональными компетенциями (были врачами, инженерами, архитекторами).

Для некоторых дворян служба была важна для карьеры, но также представляла собой деятельность во благо общества. А для небогатых дворян имело значение и жалованье, являвшееся единственным источником дохода. Действовавшая дифференцированная система оплаты труда служащих

губернского правления могла привлекать потомственных дворян только на должности в высшем эшелоне губернской власти. Так, оклад старшего советника в губернском правлении составлял в 1876 году 735 руб. [Соловьева, 2013, с. 156]. Например, старший советник председателя губернского правления М. И. Долгов был женат на вольноотпущеннице, упоминания о какой-либо недвижимости в источниках не встречается. Младший советник председателя губернского правления А. П. Мамаев не имел единоличной собственности: одно поместье в Казанском уезде находилось в совместном владении с сестрой, а другое принадлежало супруге. Другой член губернского правления, А. П. Гесс, был женат на дочери директора Купеческого банка Л. Н. Урванцова [Двоеносова, 2001, с. 153, 194, 352], но сведений о недвижимости самого Александра Павловича в источниках нет.

Следующим губернским органом государственной власти были *присутствия*. Они представляли собой коллегиальные органы. Казанское губернское присутствие по крестьянским делам действовало с 1861 до 1889 годы. В первый год существования данного учреждения в штате сотрудников на долю представителей местного поместного дворянского общества приходилось 75 %, в 1871 — 50 %, 1881 — 44,4 % [Подсчитано по: Памятная книга ..., 1862, с. 8; Адрес-календарь ..., 1882, с. 9]. Компетенция данного учреждения непосредственно затрагивала интересы помещиков в вопросах землепользования, а потому представляла особый интерес для поместных дворян. Присутствие выступало в качестве верхней судебной инстанции по отношению к уездным мировым съездам (с 1889 года — к уездным съездам), наблюдало за законностью решений земских начальников и уездных съездов (в 1889—1917 годах).

Потомственные дворяне Казанской губернии были широко представлены и в других присутствиях. Их доля в губернской строительной и дорожной комиссии составляла в 1861 году 47 %, в комиссии народного продовольствия — 43 %, в комитете общественного здоровья — 27 %, в оспенном комитете — 33 %, в приказе общественного призрения — 25 %, тюремном комитете — 29 %, в особом о земских повинностях присутствии — 11 %, в губернском статистическом комитете — 25 %. В созданном в 1874 году губернском присутствии по воинской повинности, контролировавшем деятельность уездных и городских по воинским делам присутствий, удельный вес потомственных дворян Казанской губернии составлял 29 % в 1881 году и 20 % — в 1891 году; в учрежденном в 1885 году губернском присутствии по питейным делам 38 % — в 1891 году; в распорядительном комитете 50 % — в 1881 году, 40 % — в 1891 году; в губернском распорядительном комитете о тюрьмах 11 % — в 1881 году, 6 % — в 1891 году [Памятная книга ..., 1862, с. 18; Адрес-календарь ..., 1872, с. 5; Адрес-календарь ..., 1882, с. 9, 10; Памятная книга ..., 1892, с. 3, 4].

Учреждением местного управления, компетенция которого непосредственно затрагивала интересы дворян, было Казанское губернское по городским делам присутствие. Оно действовало в 1870—1892 годах. В 1875 году в нем 50 % всех служащих составляли представители местного поместного дворянства (в 1881 году — 50 %, 1891 — 57 %) [Адрес-календарь ..., 1876, с. 11; Адрес-календарь ..., 1882, с. 10; Памятная книга ..., 1892, с. 3]. Хотя в самом городском управлении потомственных дворян Казанской губернии почти не было, в присутствии они составляли половину, что позволяло контролировать все постановления городских учреждений и дела по их выборам. Так, в 1871 году в городской управе Казани доля потомственных дворян Казанской губернии составляла 25 %, в Козмодемьянске — всего 17 %, в остальных — ни одного; в 1881 году — в Казани 19 %, в Лаишеве — 20 %; в 1891 — в Казани только 12 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 31; Адрес-календарь ..., 1882, с. 106; Памятная книга ..., 1892, с. 12, 108, 110, 117, 119, 125, 128, 135, 142, 149, 157, 168, 175, 181, 188].

В 1892 году преемником стало губернское по земским и городским делам присутствие. В 1890—1892 годах действовало губернское по земским делам присутствие, где доля потомственных дворян Казанской губернии составляла 40 % [Памятная книга ..., 1892, с. 16].

Нижестоящим звеном в вертикали местного управления была губернская земская управа. Она определялась в составе 7 человек, однако количество членов чаще всего не превышало 4. «Положение 1890 года» [ПСЗРИ II, 1864, Т. IX, с. 493] было направлено на увеличение представительства дворян в земстве. Однако на примере Казанской губернии видно их перманентное преобладание в составе управы в качестве членов и председателя. На их долю приходилось в 1871 году 60 %, в 1881 — 100 %, в 1891 — 100 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 5; Адрес-календарь ..., 1882, с. 15; Памятная книга ..., 1892, с. 16]. Другие же служащие при управе — секретарь, бухгалтер, губернский земский землемер (в 1881 году), инженер, заведующий статистическим бюро, ветеринарные врачи (1891 год) — не были внесены в местную родословную книгу. Тесная взаимосвязь земств и дворянства была видна даже на бытовом уровне. Н. А. Мельников вспоминал, что поскольку его отец и дед служили в земстве, то он с детства слышал разговоры о сельских и земских делах, в их доме собирались земские деятели для обсуждения важных вопросов [Мельников, 2008, с. 203].

3.2. Потомственные дворяне Казанской губернии в учреждениях уездного управления

На откуп дворянству были отданы уездные учреждения. Здесь дворянское представительство было еще более заметным. Так, институт мирных посредников, созданный для реализации крестьянской реформы,

на 91 % состоял из местных потомственных дворян [Памятная книга ..., 1862, с. 8—16]. Но посредники не всегда обладали нужными качествами. Вспоминая своих сослуживцев, мировой посредник первого призыва, помещик Н. А. Демерт нелестно отзывался об их профессиональных качествах: «Каждый, считающийся по старому положению просто недорослем из дворян, понял, что ему теперь очень не хитро получить почетную, сопряженную с бронзовой цепью, бляхой и большим жалованьем, должность мирового посредника, или, во всяком случае, кандидата: два с полтинкой в сутки ни за что ни про что получать тоже ведь не баранье рыло!» [Демерт, 1869, с. 374].

В 1874 году институт мировых посредников был упразднен с передачей функций уездным по крестьянским делам присутствиям. В новых учреждениях, по данным на 1881 год, потомственные дворяне Казанской губернии составляли больше половины [Адрес-календарь ..., 1882, с. 132, 139, 148, 158, 167, 178].

В части уездов Казанской губернии в 1881 году в уездном по воинской повинности присутствии на долю потомственных дворян приходилось от четверти до половины всего кадрового состава (Спасский, Лаишевский, Свияжский, Казанский, Чистопольский), в остальных уездах — до 20 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 131, 139, 148, 158, 167, 177], в уездных по питейным делам присутствиях — 40—67 % и только в двух уездах по 0 % (1891 год) [Памятная книга ..., 1892, с. 116, 125, 133, 140, 147, 166, 173, 179, 193]. Во всех присутствиях председательствовал уездный предводитель дворянства.

Но дворяне на уровне уездов больше стремились в органы самоуправления, чем в правительственные учреждения. В 1871 году в 7 уездных земских управах — от 25 до 100 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 32, 36, 37, 40, 43, 45, 47, 49, 52, 54, 56, 58]. При этом нужно отметить, что в Лаишевском уезде этот показатель равнялся нулю, что свидетельствует о том, что потомственные дворяне Казанской губернии не сразу устремились в новые органы самоуправления. В 1881 году в 7 уездах — 20—50 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 129, 138, 147, 157, 166, 177]. В 1891 году в 9 уездах — 20—40 % [Памятная книга ..., с. 103, 112, 120, 129, 136, 143, 150, 159, 169, 176, 181, 189]. Кроме того, при управах числились акушерки, ветеринары и врачи, среди последних встречались местные потомственные дворяне (уездный земский врач В. В. Ляпунов, земский врач в больнице в Ядрине Н. П. Васильевский, основатель и заведующий Пановской больницы в Лаишевском уезде Ф. И. Грацинский, а также ветеринарный врач А. П. Паленин). Подсчеты показали, что потомственное дворянство являлось социальной группой, на которую опиралась власть для управления на уездном уровне.

Губернатору, губернскому правлению и министерству внутренних дел России также подчинялись полицейские управления. Они были созданы на основании «Временных правил об общем устройстве полиции в городах и уездах губерний» от 25 декабря 1862 года [ПСЗРИ II, 1865, Т. XXXVII, с. 543—544]. В состав казанского городского полицейского управления входили полицмейстер, его помощник, общее присутствие. В 1871 году удельный вес потомственных дворян Казанской губернии в нем составлял 14 %, в 1881 году — 2,4 %, в 1891 году — 2,4 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 30, 31; Адрес-календарь ..., 1882, с. 103; Памятная книга ..., 1892, с. 10].

Уездное полицейское управление включало уездного исправника, его помощника, дворянского заседателя, двух сельских заседателей, ратмана городского магистрата. В 1871 году доля потомственных дворян Казанской губернии в 12 уездных полицейских управлениях составляла 20 %, в 1881 году — 9 %, в 1891 году — 11 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 31, 35, 37, 39, 42, 44, 46, 48, 51, 53, 55, 57; Адрес-календарь ..., 1882, с. 127, 136, 145, 156, 164, 174; Памятная книга ..., 1892, с. 101, 109, 118, 127, 134, 141, 148, 156, 167, 174, 180, 187].

3.3. Представительство потомственных дворян Казанской губернии в учреждениях судебного ведомства

Другой пласт местного управления составляли учреждения ведомства министерства юстиции. До 1864 года систему местного судебного управления составляли палаты уголовного и гражданского судов, а также уездные суды. По данным 1861 года, в уголовной палате потомственные дворяне Казанской губернии составляли 21 %, в палате гражданского суда — 38 % [Памятная книга ..., 1862, с. 24, 25].

Согласно судебной реформе 1864 года, была учреждена всесословная система судебных учреждений. Создавались две судебные системы — местные суды (волостные суды, мировые судьи, съезды мировых судей) и общие (окружные суды, судебные палаты, кассационные департаменты Сената) [ПСЗРИ II, 1867, Т. XXXIX, с. 180—215].

Первой инстанцией системы общих судов был окружной суд, состоявший из двух отделений — гражданского и уголовного. Был открыт 8 ноября 1870 года, рассматривал дела, неподсудные мировым судьям и судебной палате. В его состав входило в 1871 году 11 % представителей местных потомственных родов, в 1881 — 19%, в 1891 — 9 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 9; Адрес-календарь ..., 1882, с. 40; Памятная книга ..., 1892, с. 56]. Первым председателем в 1870 году стал потомственный дворянин Казанской губернии, юрист, действительный статский советник А. Е. Лазарев. Он вступил в службу преподавателем истории в гимназии и университете. Также занимал должности управляющего Кавказской палатой государ-

ственных имуществ, Минской палатой имуществ, Олонецкой палатой имуществ, Курской палатой государственных имуществ, с 1868 года — прокурор Полтавского окружного суда, затем переходит на службу в Казанскую губернию, где сначала был назначен председателем окружного суда, затем переведен в судебную палату [Мухамадеев, 2008; Хабарова, 2010].

В 1875—1894 годах председателем казанского окружного суда был Л. И. Грасс, автор научных статей по юриспруденции [Багаутдинов, 2010]. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он в разные годы работал в петербургской палате помощником судебного следователя, судебным следователем окружного суда, затем прокурором окружного суда в Таганроге, потом в Туле, откуда вновь вернулся в Санкт-Петербург, где он получил назначение на должность товарища прокурора судебной палаты; далее, спустя 3 года, он перешел на службу в Казанскую губернию.

Предварительное следствие возлагалось на судебных следователей. Но представителей местного потомственного дворянства практически не было в их числе. Так, в 1881 году на долю потомственных дворян Казанской губернии приходилось только 20 % следователей, в 1891 году — ни одного [Адрес-календарь ..., 1882, с. 43; Памятная книга ..., 1892, с. 59].

Кроме того, при казанском окружном суде состояли секретари, чины прокурорского надзора, судебные приставы, рассыльные, нотариусы, архивариус. На местах работали 18 уездных (введены Положением от 12 июля 1889 года [ПСЗРИ III, 1891, Т. IX, с. 508—517]) и 4 городских (в городах Чистополь, Чебоксары и Козьмодемьянск) члена окружного суда.

Следующей судебной инстанцией была судебная палата. Представительство потомственных дворян Казанской губернии в ней было небольшим: в 1871 году — 16%, в 1881 — 10 %, в 1891 — 17 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 8; Адрес-календарь ..., 1882, с. 38; Памятная книга ..., 1892, с. 59]. Но это были значимые должности. Так, титулярный советник Ф. И. Шмелев являлся старшим председателем казанской судебной палаты (1886—1895). Членами судебной палаты становились правовед, начальник Главного тюремного управления Н. Н. Галкин-Врасский, бывший председатель Симбирской палаты уголовного и гражданского суда по гражданскому отделению В. П. Родионов, бывший канцелярский чиновник канцелярии казанского военного губернатора, действительный статский советник В. П. Траубенберг.

Среди приставов в 1881 году удельный вес местных потомственных дворян составлял всего 14 % [Адрес-календарь ..., 1882, с. 39]. А вот в нотариальных учреждениях их представительство было значительным: в 1871 году — 29 %, в 1881 — 40 %, в 1891 — 25 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 10; Адрес-календарь ..., 1882, с. 43; Памятная книга ..., 1892, с. 59].

Для контроля над действиями учреждений судебной системы были созданы органы прокурорского надзора. Доля участия в них представителей местного потомственного дворянства была незначительной и составляла всего 15 % и 13 % в 1871 и 1881 годы соответственно [Адрес-календарь ..., 1872, с. 10; Адрес-календарь ..., 1882, с. 42]. С целью создания новых судебных учреждений, предусмотренных судебной реформой, прокурором Казанского окружного суда был назначен на короткое время А. Ф. Кони (1870—1871 годы).

Незначительное присутствие потомственных дворян Казанской губернии в органах юстиции объяснялось тем, что служба здесь требовала специальной подготовки. Председатели и товарищи председателей окружных судов и члены судебных палат определялись из числа лиц, состоявших в судебном ведомстве в должностях не ниже членов и прокуроров окружного суда. Должности председателей судебных палат замещались лицами, состоявшими не менее трех лет в судебных должностях не ниже прокурора, члена судебной палаты, председателя или товарища председателя судебной палаты. Поэтому карьера в ведомстве юстиции начиналась с низших ступеней. По воспоминаниям выходца из интеллигентско-университетской среды, будущего музыковеда С. В. Смоленского, прослужившего в Казанском окружном суде с 1872 по 1875 годы, «в составе судебного персонала было много молодых людей, даровитых, знающих дело, отличных работников» [Русская ..., 2002, с. 153]. Сам Степан Васильевич начинал службу в ведомстве в качестве «кандидата на судебные должности», что стало «поистине горестным и обидным для кандидата университета, но вместе с тем, как оказалось, и высокополезным» [Русская ..., 2002, с. 154].

Карьере в судебных учреждениях Казанской губернии предшествовала служба С. В. Дьяченко в других регионах Российской империи. До 1870 года он занимал должность в Харьковской судебной палате, Петербургском окружном суде. В 1870—1873 годах он являлся секретарем Казанской судебной палаты, членом, а затем товарищем председателя Казанского окружного суда, в 1899—1903 годах — членом Казанской судебной палаты, в 1903—1907 годах — председателем Казанского окружного суда.

На уездном уровне представительство потомственных дворян Казанской губернии в судебных учреждениях было сравнительно высоким. Уездные суды состояли из уездного судьи и двух заседателей, избиравшихся уездным дворянством на три года и утверждавшихся губернатором. Упразднены в 1869 году — начале 70-х годов в ходе проведения судебной реформы 1864 года, с передачей полномочий мировому суду. В 5 уездных судах доля потомственных дворян Казанской губернии составляла больше половины всего состава служащих, еще в 5 — свыше трети, в остальных

двух — 14—20 % [Памятная книга ..., 1862, с. 33—35, 38—41]. В ходе проведения судебной реформы 1864 года уездные суды были упразднены с передачей полномочий мировому суду.

Мировым судьей мог быть назначен только «местный житель» в возрасте не моложе 25 лет, «не опороченный по суду или общественному приговору», имевший высшее или среднее образование, «или прослуживший, преимущественно по судебной части, не менее трех лет», а также владевший имуществом стоимостью в 15 тыс. руб. для сельской, 6 тыс. для столичной и 3 тыс. руб. для городской недвижимости [ПСЗРИ II, 1867, Т. XXXIX, с. 182]. В связи с этим мировыми судьями становились помещики. Например, в 1871 году 61 % мировых судей были потомственными дворянами Казанской губернии, в 1881 — 56 %, в 1891 — 66 % [Адрес-календарь ..., 1872, с. 34, 38, 41, 46, 51, 52, 55, 57, 59; Адрес-календарь ..., 1882, с. 130, 140, 149, 160, 169, 179; Памятная книга ..., 1892, с. 60].

Почетные мировые судьи, в отличие от участковых, которые постоянно находились в пределах закрепленного за ними участка и получали жалование, не были обязаны безвыездно пребывать в судебно-мировом округе, и их труд не оплачивался. По этой причине должность в мировом суде дворяне совмещали со службой в других учреждениях. Так, например, предводитель дворянства Цивильского уезда А. М. Арцыбашев избирался почетным мировым судьей в течение шести трехлетий, начиная с 1883 года. А. Н. Булыгин, являясь почетным мировым судьей, возглавлял дворянство Спасского уезда (с 1887 года). Свияжский предводитель дворянства В. В. Обухов также был почетным мировым судьей [ГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 10577, л. 26 об. — 27, 73 об.; ф. 407, оп. 1, д. 661, л. 1 об.; д. 932, л. 1 — 9].

Следующей инстанцией мирового суда (апелляционной) были съезды мировых судей. Часть их функций по закону от 12 июля 1889 года «О земских начальниках» [ПСЗРИ II, 1891, Т. IX, с. 510—528] перешла к уездным съездам, в которых на долю потомственных дворян Казанской губернии приходилось 56 % [Памятная книга ..., 1892, с. 102, 111, 120, 129, 135, 143, 150, 158, 168, 175, 181, 188]. Такой же процент составляли местные потомственные дворяне среди земских начальников. Они контролировали деятельность органов крестьянского общественного управления и являлись первой судебной инстанцией для крестьян и другого податного населения (вместо упраздненных уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судов).

Земскими начальниками могли быть лица, прослужившие в губернии не менее трех лет в должности предводителя дворянства, возрастом не менее 25 лет, окончившие курс в высшем учебном заведении или выдержав-

шие соответствующие экзамены либо прослужившие в губернии не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непременно члена присутствия по крестьянским делам, владевшие в пределах уезда на праве собственности недвижимостью стоимостью не менее 7500 руб. Но при недостатке лиц, соответствовавших этим критериям, могли быть назначены лица без необходимого стажа [ПСЗРИ III, 1891, Т. IX, с. 511—512]. Так, выпускнику Первого Павловского военного училища Николаю Казем-Бек после встречи его влиятельных родственников с казанским губернатором и казанским уездным предводителем дворянства «обещано было место земского начальника, как только откроется вакансия» [Казем-Бек, 2016, с. 146].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, несмотря на всесословный характер формирования государственных учреждений гражданского ведомства, в высшем эшелоне местной власти (среди представителей органов земского самоуправления, правительственных чиновников, состоявших в штате по должности, по назначению) был сравнительно высоким процент потомственных дворян Казанской губернии. Удельный вес последних был меньше четверти всего штата сотрудников в губернском правлении и канцелярии губернатора, но именно они занимали наиболее важные посты. В губернских присутствиях, контролировавших деятельность органов городского, земского и крестьянского самоуправления, доля дворян, внесенных в родословную книгу Казанской губернии, составляла от четверти до половины, а предводители дворянства председательствовали во всех присутствиях. В целом, такая картина отражала официальный курс правительства, видевшего в высшем сословии опору на местах. Но и для дворян служба являлась одним из основных социальных лифтов, а для небогатых — еще и источником дохода. К тому же она позволяла принимать непосредственное участие в делах, затрагивавших непосредственные нужды землевладельцев. Потому интересы самого сословия и государства совпадали.

Как и в гражданском ведомстве, местные потомственные дворяне занимали некоторые ключевые должности в органах юстиции на губернском уровне, но при этом не составляли большинства в чиновничьем корпусе. Однако в уездных судебных учреждениях их удельный вес составлял больше половины. Этому способствовал механизм комплектования за счет имущественного и образовательного цензов, избрания ряда должностей уездными предводителями дворянства, что обеспечивало представительство потомственных дворян Казанской губернии, позволяя им занимать больше половины имевшихся вакансий.

Закономерность в комплектовании местных органов управления представителями потомственного дворянства Казанской губернии прослеживается в преимущественном занятии ими тех должностей, которые непосредственно затрагивали интересы помещиков, были связаны со взаимоотношениями с крестьянским населением, а также в занятии руководящих постов в губернской администрации — при губернаторе. Эта тенденция наблюдалась главным образом в учреждениях ведомства министерства внутренних дел, а также министерства юстиции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* служащих в Казанской губернии лиц. — Казань : Губ. тип., 1871. — 62 с.
2. *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ на 1881 год. — Казань : Тип. губ. правл., 1881. — 283 с.
3. ГАРТ — *Государственный архив Республики Татарстан*. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10577. Л. 26 об. — 27, 73 об. ; Ф. 407. Оп. 1. Д. 661. Л. 1 об. ; Ф. 407. Оп. 1. Д. 932. Л. 1—9.
4. *Демерт Н. А.* Новая воля (Из записок служившего когда-то по крестьянскому делу) / Н. А. Демерт // *Отечественные записки*. — 1869. — Т. 186. — №10 — С. 369—398.
5. *Казем-Бек М. Л.* Дневники / М. Л. Казем-Бек. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 560 с.
6. *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе (1898—1916) : (автобиографический очерк и воспоминания) / Н. А. Мельников. — Йошкар-Ола : [МарНИИЯЛИ], 2008. — 342 с.
7. *Памятная книга* Казанской губернии на 1861 г. и 1862 г. — Казань : Губ. тип., 1862. — 290 с.
8. *Памятная книжка* Казанской губернии за 1891—1892 г. — Казань : Тип. Губ. правл., 1892. — 347 с.
9. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Высочайше утвержденное приложение к 1-й статье Временных Правил об устройстве полиции // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1865. — Собрание II. — Т. XXXVII. — Отделение 2. — № 39087. — 837 с.
10. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. — Собрание II. — Т. XXXIX. — Отделение 1. — № 40457. — 976 с.
11. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи*. Учреждение судебных установлений // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типолитограф. II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — Собрание II. — Т. XXXIX. — Отделение 1. — № 41475. — 822 с.
12. ПСЗРИ III — *Полное собрание законов Российской империи*. Правила о порядке приведения в действие Положения о Земских участковых начальниках // ПСЗРИ. —

Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1891. — Собрание III. — Т.IX. — № 6196. — 1489 с.

13. *Русская духовная музыка в документах и материалах*. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания : Казань, Москва, Петербург / Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки ; Подгот. т-та, вступит. ст., коммент. Н. И. Кабановой ; Науч. ред. М. П. Рахманинова. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 688 с.

Литература

1. *Багаутдинов Ф. Н.* Казанский окружной суд : 140 лет / Ф. Н. Багаутдинов. — Казань : Познание, 2010. — 208 с. — ISBN 978-5-8399-0337-1.

2. *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации / Э. Н. Берендтс. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 288 с.

3. *Вакилев Т. Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX в. (на материалах Пензенской губернии) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. Р. Вакилев. — Пенза, 2017. — 21 с.

4. *Двоеносова Г. А.* Казанское дворянство 1785—1917 гг. Генеалогический словарь / Г. А. Двоеносова. — Казань : Гасыр, 2001. — 639 с. — ISBN 5-93001-010-2.

5. *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России / В. А. Евреинов. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1897. — 87 с.

6. *Елишев А. И.* Служебные права дворян / А. И. Елишев. — Москва : Унив. тип., 1894. — 55 с.

7. *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие / Н. П. Ерошкин. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2006. — 494 с. — ISBN 5-7281-0937-3.

8. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с. — ISBN 978-5-517-81925-3.

9. *Истомина И. В.* Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления / И. В. Истомина, В. Н. Фурсов, А. В. Перепелицын // *Via in tempore*. История. Политология. — 2012. — № 1 (120). — С. 108—115.

10. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. — Москва : Наука, 1979. — 303 с.

11. *Лещенко И. Н.* Потомственное дворянство в условиях пореформенной России (на материалах Тверской губернии) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Н. Лещенко. — Москва, 2007. — 26 с.

12. *Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815—1914 / Д. Ливен. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 364 с. — ISBN 5-7331-0179-2.

13. *Мухамадеев А. Р.* Судебные реформы в России второй половины XIX в. и Казанский окружной суд / А. Р. Мухамадеев // *Гасырлар авазы — Эхо веков*. — 2008. — № 1. — С. 242—246.

14. *Соловьева Е. А.* Материальное обеспечение служащих губернского правления Симбирской и Казанской губерний во второй половине XIX — начале XX вв. / Е. А. Соловьева // *Власть*. — 2013. — № 1. — С. 154—156.

15. *Хабарова Е. В.* Казанский окружной суд : исторический очерк / Е. В. Хабарова, Т. Б. Чканова // *Актуальные проблемы экономики и права*. — 2010. — № 3. — С. 210—213.

16. Шатохин И. Т. Российское дворянство и государственная служба в XIX — начале XX вв. / И. Т. Шатохин, С. Б. Шатохина // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2014. — № 21 (192). — С. 106—110.

17. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России / М. Т. Яблочков. — Санкт-Петербург : Тип. А. М. Котомина, 1876. — 680 с.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025,
одобрена после рецензирования 18.04.2025,
подготовлена к публикации 11.05.2025.

Material resources

Calendar address. General list of superiors and other officials for all institutions of the Kazan province, as well as estate and public institutions, private companies and societies for 1881. (1881). Kazan: Tip. Gubernatorial Institute. 283 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Kazan province for 1891—1892. (1892). Kazan: Tip. Gubernatorial Board. 347 p. (In Russ.).

Demert, N. A. (1869). *Novaya volya* (From the notes of a former peasant worker). *Otechestvennyye zapiski*, 186 (10): 369—398. (In Russ.).

GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan.* (In Russ.).

Kazem-Bek, M. L. (2016). *Diaries.* Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 560 p. (In Russ.).

Melnikov, N. A. (2008). *19 years in the zemstvo service (1898—1916): (autobiographical essay and memoirs).* Yoshkar-Ola: [Marniyali]. 342 p. (In Russ.).

Memorial book of the Kazan province for 1861 and 1862. (1862). Kazan: Gubernatorial Printing House. 290 p. (In Russ.).

PSZRI II — *The Complete collection of laws of the Russian Empire. The highly approved appendix to the 1st article of the Provisional Rules on the Structure of the Police.* PSZRI. (1865). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 837 p. (In Russ.).

PSZRI II — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The most highly approved regulations on provincial and county zemstvo institutions.* PSZRI. (1867). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 976 p. (In Russ.).

PSZRI II — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Establishment of judicial rulings.* PSZRI. (1867). St. Petersburg: Typolithogr. II Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 822 p. (In Russ.).

PSZRI III — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Rules on the procedure for bringing into effect the Regulations on Zemstvo district chiefs.* PSZRI. (1891). St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancery. 1489 p. (In Russ.).

Russian sacred music in documents and materials. Stepan Vasilyevich Smolensky. Memoirs: Kazan, Moscow, St. Petersburg. (2002). Moscow: Languages of Slavic Culture. 688 p. (In Russ.).

The address is a calendar of employees in the Kazan province. (1871). Kazan: Gubernatorial type. 62 p. (In Russ.).

References

Bagautdinov, F. N. (2010). *Kazan District Court: 140 years.* Kazan: Poznań Publ. 208 p. ISBN 978-5-8399-0337-1. (In Russ.).

Berendts, E. N. (1913). *On the past and Present of the Russian Administration.* St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House. 288 p. (In Russ.).

- Dvoinosova, G. A. (2001). *Kazan nobility of 1785—1917. Genealogical dictionary*. Kazan: Gasyr. 639 p. ISBN 5-93001-010-2. (In Russ.).
- Elishev, A. I. (1894). *Official rights of the nobility*. Moscow: Univ. tip. 55 p. (In Russ.).
- Eroshkin, N. P. (2006). *Russian autocracy*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 494 p. ISBN 5-7281-0937-3. (In Russ.).
- Evreinov, V. A. (1897). *Civil service production in Russia*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 87 p. (In Russ.).
- Istomina, I. V., Fursov, V. N., Perepelitsyn, A. V. (2012). Small-scale nobility in local government and management structures. *Via in tempore. History. Political science*, 1 (120): 108—115. (In Russ.).
- Khabarova, E. V., Chkanova, T. B. (2010). Kazan District Court: a historical essay. *Actual problems of economics and law*, 3: 210—213. (In Russ.).
- Korelin, A. P. (1979). *The nobility in post-reform Russia. 1861—1904. Composition, number, corporate organization*. Moscow: Nauka Publ. 303 p. (In Russ.).
- Leshchenko, I. N. (2007). *Hereditary nobility in the conditions of post-reform Russia (based on the materials of the Tver province)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Lieven, D. (2000). *Aristocracy in Europe 1815—1914*. Saint Petersburg: Academic Project. 364 p. ISBN 5-7331-0179-2. (In Russ.).
- Mukhamadeev, A. R. (2008). Judicial reforms in Russia in the second half of the 19th century and the Kazan District Court. *Gasyrlar avaza — Echo of Centuries*, 1: 242—246. (In Russ.).
- Shatokhin, I. T., Shatokhina, S. B. (2014). Russian nobility and civil service in the XIX — early XX centuries. *Scientific Bulletin. a series of Stories. Political science. Economy. Computer science*, 21 (192): 106—110. (In Russ.).
- Solovyova, E. A. (2013). Material support for employees of the provincial government of the Simbirsk and Kazan provinces in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Power*, 1: 154—156. (In Russ.).
- Vakilev, T. R. (2017). *Provincial officialdom in the public administration system in the second quarter of the 19th century. (based on the materials of the Penza province)*. Author's abstract of PhD Diss. Penza. 21 p. (In Russ.).
- Yablochkov, M. T. (1876). *The history of the nobility in Russia*. St. Petersburg: A. M. Kotomina Publishing House. 680 p. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl. 288 p. ISBN 978-5-517-81925-3. (In Russ.).

*The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 18.04.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*